

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

«Солнечный крохотное семья...»

**К 90-летию поэта
(Лирика Марата Тарасова 1980-х годов)**

Дух наступившей оттепели

Марат Васильевич Тарасов – один из ярких представителей поэтического поколения «детей войны». Чувство Родины являлось доминантой творчества этого поколения, достигшего больших творческих успехов.

Изучение лирики Марата Тарасова позволяет выявить диалектическую взаимосвязь традиций и новаторства русской поэзии 1980-х годов как звеньев одного процесса преемственности, её стремление к гармоническому единству личности, общества и природы по законам добра и справедливости.

Становится очевидным, что развитие русской поэзии Европейского Севера и Республики Карелия в этот сложный для страны отрезок времени сопровождалось появлением прямых и обратных связей между многонациональной советской литературой как системой в целом и её литературными регионами, столкновением противоречивых тенденций, возникновением новых и разрушением старых организационных структур. При всём том сердцевинной лирической поэзии 1980-х годов оставались сопричастность ко всему, что происходит в стране, чувство личной ответственности перед современниками и потомками.

Поэзию творят конкретные люди со всеми их особенностями и различиями, противоречивыми целями и намерениями, со своими страстями и чувствами. Это благодаря их усилиям поэзия движется от данного ее состояния к состоянию будущему, нередко более высокому, целостному. Чтобы понять ее развитие, уяснить борьбу противоположных сил и тенденций, приходится сосредоточить внимание на изучении активного начала системы – отдельных её компонентов, которые активно влияют на систему, формируя те или иные ее параметры или влияя на них. Поскольку «любой компонент социальной системы – вещественный, процессуальный, духовный – связан с человеком, выражает или является результатом его общественной активности» (Афанасьев В.Г. «Системность и общество»), то и наименьшей самостоятельной единицей в литературном регионе оказывается творческая личность, писатель, в котором конкретизируются связи, отношения, взаимодействия всей подсистемы.

Для Марата Тарасова¹ важнейшим в его духовном формировании стало влияние матери, родом из семьи заонежского крестьянина.

Позднее, после учебы М.Тарасова в Литературном институте имени Горького и вхождения в круг друзей и почитателей творчества Е.Евтушенко и Р.Рождественского, его глубинное чувство любви к родному краю усложнилось и в чём-то обогатилось влиянием названных выше столичных поэтов.

Будучи ровесниками М.Тарасова (р.1930), Е.Евтушенко (1932–2017) и Р.Рождественский (1932–1994) одними из первых поняли (и показали М.Тарасову), какие перспективы открыла хрущевская оттепель, давшая возможность писать стихи на актуальные политические темы.

Евтушенко – один из тех, кого, по словам Беллы Ахмадулиной «постигла слава», – выдавал на-гора все новые и новые сборники, иногда по две-три книги в год. Он продолжал работать в том же ударном темпе, даже когда эпоха всенародного интереса к поэзии ушла в прошлое. В 1999 году, выступая на радио «Свобода» в программе «Лицом к лицу», Евтушенко сказал: «Семьдесят процентов моих стихов – это хотя и искренний, но мусор». Но Евтушенко и его собратья по перу и не претендовали на роль классиков. Им некогда было заниматься шлифовкой своих произведений, нужно было писать о том, что до сих пор было под запретом, пока запрет снова не вошел в силу.

Характерные для «молодого крыла поэзии» второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов «более прямое выражение лично пережитого, обновление камерных жанров, возможность «примирения» интимной лирики и гражданской поэзии» [8: 142] нашли развитие и в книгах М.Тарасова «Подвиг» (1954), «На Север» (1957), «Малая пристань» (1959), «Друзья мои» (1961), «Наедине» (1966). По возвращении в Петрозаводск после окончания Литературного института М.Тарасов рассматривал Е.Евтушенко и Р.Рождественского как «своих», близких ему системой ценностей поэтов. Позднее он вспоминал 1960-е годы: «Дух наступившей оттепели, расколовшей души, звал выносить всё своё сокровенное на публику. Рождалась не только новая поэзия, но и новые читатели, желавшие слушать живое поэтическое слово».

Сумеречные краски осени

Ставшая шестой по счету книга стихов Марата Тарасова «Снежность» (М., 1982), написана человеком, пережившим немало трудностей на своем пути. Его отца, Василия Евсеевича, из

крестьян карельской деревни Лижма, основавшего в 1920-е годы свой строительный кооператив, сочли «врагом народа», арестовали и в 1932 году приговорили к расстрелу. Для Марата и его матери Елены Максимовны (родом из крестьян Заонежья) наступили тяжелые времена. В годы войны мать с детьми эвакуировалась в Вологодскую область, работала в госпитале. В 1943 году семья вернулась из эвакуации, переезжала из города в город. Марат учился в школах Кеми, Сегежи, а десятый класс окончил в Сортавале. В Литературном институте познакомился с Р.Рождественским, Е.Евтушенко, Н.Старшиновым.

В послесловии к книге «Снежность» Р.Рождественский называл основательность одной из характерных черт характера М.Тарасова:

«Он подолгу работал над каждой строкой, над каждым словом. Писал трудно... поэтому и стихи получались чеканно-суровыми – и одновременно распахнутыми, как судьба... Сейчас в них – все чаще и всё настойчивее – врывается пейзаж. Врывается со всем своим многоцветьем, со всеми полутонами. Но это – пейзаж особенный, многопланный, объёмный. И потом он – всегда динамичный, зовущий, меняющийся. Как жизнь. Как время».

Название книги – «Снежность» – М.Тарасовым объясняется появлением в повзрослевшей с годами душе желанной «тоски по снежной чистоте»². Перевалив через рубеж 50-летия и пройдя через многие испытания, поэт стал осторожен в обращении с судьбой. В предчувствии новых опасностей, непредсказуемых перемен он предпочел цветным росписям весны и лета – сумеречные краски поздней осени и вошедшей в свои права зимы. Для лирического героя «даль еще не видна, / загорожена мглою кудлатой» («Белых дней забытьё»). Во всём окрест себя он замечает «увядание всего лишь», когда пришедшая властвовать над природой «с шестом запальника в руке» осень «опасливо подносит» его «к багровеющей ольхе» («Яркой вспышкой блеснули...»). Зашедшего в «задумчивый лес» человека встречает зима, готовая «душу вытрясти» из запоздавшей по срокам осени, чтобы поскорей упрятать приметы жизни «под голубым ледком» («Ты входишь...»). Всюду внимательный взор поэта видит приметы угасания: «Озерко дремлет в берегах уснувших» («Нагую землю листьями латая...»); спрятались в камышах волны, собираясь «в дреме бессонницу / поминать от души» («За прибрежными ивами...»). Во всём этом «одуряющем круженье» есть только «видимость движенья», не могущая чем-то удивить «душу, ведавшую страсть» («Ста оттенков суматоха...»).

В такой новой для автора (предыдущую книгу стихов «Наедине» М.Тарасов опубликовал 16 лет назад) художественно-эстетической позиции трудно было узнать поэта, который вошел в литературу с темой мужества и самоотверженности русских землепроходцев и мореплавателей. И по проблематике, и по жанровому своеобразию, и по стилистической манере произведения М.Тарасова 1950–1960-х годов находились в русле исканий Е.Евтушенко, Р.Рождественского, А.Вознесенского с их публицистической заостренностью, рассчитанной на эффект «немедленного действия».

Годы «простоя»

Как писатель открытой гражданской позиции М.Тарасов показал себя, работая заведующим отделом поэзии журнала «На рубеже» (1954–1959), ответственным секретарем Союза писателей Карельской АССР (1959–1967). Успешно строивший в тот момент литературную карьеру, М.Тарасов позволил себе исправить сведения об отце и на вопросы о его судьбе общал, что тот «погиб в 1941 году, обороняя подступы к Петрозаводску»³. Но забыть, что отец на самом деле был расстрелян советской властью, он не мог. По всей вероятности, это было одной из причин, по которой он так и не стал членом партии.

В 1967 году М.Тарасов ушел с оплачиваемой должности в местном отделении Союза писателей на «вольные хлеба», зарабатывая себе на жизнь переводами с финского и участием в работе коллектива переводчиков эпоса «Калевала».

Неустойчивость бытия

«Неразгаданный шестидесятник» – назвал Е.Евтушенко статью о друге, приветствуя напряженно-интеллектуальные поиски М.Тарасова на пути к осмыслению человеческой души и расшифровывая давний источник творческого вдохновения поэта: «Был он преданным учеником Б.Пастернака – опять-таки не напоказ, а сокровенно».

И если принципом раннего Пастернака было построение образа «на ассоциативном сближении предметов, явлений, состояний» ради «материальной выразительности» в рамках «объективного тематизма» (Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака), то такое же предпочтение конкрет-

ной точности мгновенного наблюдения проследживается и в «Снежности» М.Тарасова.

У Б.Пастернака зимний пейзаж соткан из серии летучих зарисовок предновогодней людской суеты («Шумы-шорохи, гром кутерьмы», «в белом облаке скачет лихач», «невыполотые заносы / на оконный ползут парапет») и заканчивается свойственным молодому человеку (стихотворение «Зима» было написано Б.Пастернаком в 1913 году) признанием в тщетности мирского существования: «За стаканчиками купороса / ничего не было и нет»⁴. У М. Тарасова описание раннего снегопада тоже похоже на калейдоскоп картинок, рисующих «кругловатые крапинки снега / на пожухлой траве», и включает осознание уставшим от утрат и разочарований жизни лирическим героем неустойчивости бытия:

*Но в движенье своем постоянном
Зыбок мир, окружающий нас,
И легко обернется обманом
Всё, что выставил день напоказ*⁵.

Как и у Б.Пастернака, картины природы в стихотворениях из открывающего книгу «Снежность» цикла стихов М.Тарасова «Под россыпью звезд» рассчитаны, прежде всего, на зрительное восприятие. Поэт предлагает читателю вместе насладиться «незапятнанной снежной страницей» полян, видом дремлющего «в берегах уснувших» лесного озера, «прохладой и придонной тишины» речной глубины.

Как и ранний Пастернак с его «тягой к провиденциальному» и верой, что «в настоящей жизни... всё должно быть чудом, предназначением свыше», М.Тарасов пробует совместить наглядное восприятие мира – с поисками смысла бытия, с желанием «коснуться краешком души / еще неведомого мира» («Я по ступенькам горных гряд...»).

О своих раздумьях и переживаниях лирический герой «Снежности» говорит мало и редко, предпочитая наблюдать за природой. Ему по душе «частое и чуткое молчанье», но эта «сдержанность речи» затрудняет понимание мировоззренческой и художественной даровитости героя. Его редкие высказывания в промежутках между демонстрацией картин природы порой выглядят категоричными: «Мы явились на свет / и природою правим законно...» («Белых дней забытьё...») или «Возвращенье буйной воли / я почувствую остро...» («Ста оттенков суматоха...»).

В целом же «сокровенное» и столь понятное увлечение М.Тарасова высоким мастерством и не-

повторимой тональностью поэзии Б.Пастернака было распространенным явлением в советское время (Е.Евтушенко просил похоронить себя рядом с могилой Б.Пастернака). Однако не каждому поэту удавалось постигнуть сложность поэтического строя Пастернака, присущую ему слитность философской мысли и образа.

Со встречным ветром спора

Уже в следующем разделе книги М.Тарасова «Снежность» – «Высокий берег» – на смену знакомой по стихам Пастернака интонации тайны человеческой судьбы, бытия, каждого мгновения, дара «видеть невидимое, незаметное сквозь суету и обыденность», приходит знакомый по ранним публикациям петрозаводского автора романтически-возвышенный настрой в изображении устремленности героев в будущее: «Живут, распахивая души, / Отчизны разные края» («Во власти зноя или стужи...»), «Несутся в бездну радость и обиды» («Едва удерживаясь в берегах...»). Меняется и образ лирического героя: теперь он уже не выглядит бесконечно уставшим от житейских трудностей, не замыкается в себе, а «спешит, со встречным ветром споря» («Мне не надо, чтобы реки в руслах...»). Его «помолодевшая душа» с восхищением воспринимает «все-силье» водопада, который «на земном пиру хозяин», а зрелый ум прагматика переводит этот восторг в практическую сферу: «Ведь мы слепую мощь глубин / швырнем во имя изобилья / на лопасти своих турбин» («Над падуном»). Р.Рождественский писал о поэзии М.Тарасова:

«Для него красота родной земли – это, помимо всего прочего, всегда красота земли и а с е л ё н о й. Он гордится Карелией – землей людей. Людей сильных, упорных, талантливых. Гордится и постоянно ищет истоки этой духовной силы, этого жизненного упорства».

Этому «сильному, упорному» герою М.Тарасова душно «в раю пуховом». Он спешит на Крайний Север, чтобы там, став «отшельником лесным», услышать, как олени «вожак, взывающе трубя, / в сердцах о наледь бьет копытом» («В оленье царстве»). Он внутренне завидует «звериной решимости» местного бакенщика – «держаться от людей особняком», когда можно в одиночестве «ходить слушать вспугнутую мглу» («Бакенщик»). Но при окончательной оценке поведения бакенщика вступают в силу духовные обручи авторской самоцензуры.

Появляется идеологически верная тема само-

разрушения личности одинокого человека («в нём сломалось что-то») и его жажды сомкнуться с массами: «Он слышит, как к нему через пролив / летит на крыльях песни жизнь другая, / в него надежду робкую вселив». М.Тарасов гордится живущими в лесных поселках «сильными, упорными» героями, но в описании их подвигов нередко возвращается к освоенной им в 1950-е годы публицистической заостренности речи: «Здесь работу несут, как службу... Здесь слова, как дороги, круты... Здесь умеют ценить минуты...» («На просёлке лесном»).

Вместе с тем ни один из характеров не получает развернутого изображения. Будь то строители дорожного полотна из стихотворения М.Тарасова «Дорога», поклявшиеся преодолеть топь болот («Мы эту дьявольскую гниль / живьем похороним»), или юная проектировщица лесного пространства с прибором на длинной треноге, двустволкой в руке и «медным оскалом патронташа» на поясе из стихотворения «Тишина», – это образы скорее романтического, нежели реалистического характера. В них подчеркивается одна черта – неустранимость молодого напора.

И если в цикле стихов «Высокий берег» на первый план выступают интересы советской государственности и общества в целом, что предопределяет их стилистику и содержание, то в третьем цикле – «Озеро Ниг» – главным оказываются лирические размышления о всемогущей силе любви. Это чувство приносит лирическому герою освобождение от времени, от общественных обязанностей, от необходимости придать стихам созвучное времени политическое содержание. Он перестает замечать время и полностью погружается в то чувство, которое принесло ему и высшую радость, и сильнейшую ревность, и горечь расставания с любимой. Любовные ощущения сметают социальные вехи времени и оставляют героя наедине с женщиной, которую он любил и ради которой был готов «душу вынуть и отдать навеки». Она же оставила его и сделала это без всякой жалости и сочувствия, отряхнув себя от любовного чувства, «как от листьев». Герой сравнивает бывшую возлюбленную с повиликой, которая незаметно обволокла его своей нежностью, а он не заметил, как сгорел «в зеленом пламени твоём, / и выщемся и цепком» («Сравнить бы мне тебя не грех...»).

Теперь, спустя время после расставания, отношение героя к любимой двойится. Он разочарован её бегством и осуждает за причиненную ему боль. Ведь этой женщине он «себя на поруки / отдавал наяву и во сне», а в результате пришлось «захлебнуть-

ся душевным ненастьем» («Словно ветром уныние сдуло...»). И в то же время он благодарен женщине за жизнь «на грани счастья и тревог», за «радость земную» «припасть к тебе губами люто / и губ почувствовать ледок» («И ревность ревностно осудим...»). С воспоминаниями о несостоявшейся любви к герою приходит ощущение неиспользованных возможностей, которые были даны ему от природы, несбывшихся ожиданий и надежд, ошибочности поспешных решений, которые (стало ясно уже в зрелом возрасте) были определены не только социальными, историческими обстоятельствами:

*Иду над тем, за что напрасно
Бывал признателен судьбе,
Иду над тем, что ежечасно
Всю жизнь приканчивал в себе!*⁶

Вновь рифмой целить

К концу книги «Снежность», в цикле стихов «Всегда со мною», ощущение грусти об уходящей жизни уступает место иным оттенкам человеческих чувств. Поэт размышляет о причинах затянувшегося и неприятного для любой творческой личности периода молчания. Он говорит о своей работе «до изнеможенья» над поэтической строкой, о наступавшем временами чувстве бесконечной усталости и подавленности в поисках слова, о приходившем к нему «бессилье перед земною красотой», когда «предаешь огню глаголы, / коль не дано глаголом жечь», и заверяет читателей, что он готов «вновь рифмой целить / в белый свет». («А ты испытывал бессилье...»).

В стихотворении «Как снежный вихрь...» появляется значимый для автора образ хрупкого стебля, который «пробился из бетона» и «не ждет, в какую степень / его заслугу могут возвести». Для М.Тарасова – это символ «правоты и прямоты» поэтической индивидуальности, и он намерен следовать этому примеру, чтоб были «смыты валунов бараньи лбы»: «Долой окаменелость! Как мешала / она насытить трепетом слова!»

И чувство родимого края

Ставшее сюжетом стихотворения «Когда-нибудь, как на свиданье...» посещение ранее оконченного им Литературного института дает лишний повод М.Тарасову вспомнить юность, подвести предварительные итоги жизни и сожалеть, «что я ещё редко и мало / оттачивал собственный стих».

Не видя гармонии в окружающей действительности, оказавшись «без слов, без мыслей, сам не свой» лирический герой М. Тарасова решает «довериться листовному краю», чтобы «раствориться в красе земной» («Рябин ребяческий румянец...»). И там, сливаясь душой с природой, он становится «жертвой волшебства», возрождает в себе духовное здоровье и ясность взгляда.

После описания «сумрака скалистых теснин / и знойности далекой пустыни» следует публицистический вывод о советских людях, в душе которых «живо с начальной весны / и чувство родимого края, / и чувство великой страны» («Какой получаем подарок...»).

Поэт в пути

Фабула заключительного стихотворения книги (после которого идут авторские переводы из карельской и финляндской поэзии) «В ночном полёте» строится на фантастической гипотезе о полёте лирического героя над землей. Он охвачен чувством любви к планете («Ты вся – до жилки речной – родная»). По ходу действия выясняется, что речь идет о космонавте, который в условиях ночного, слепого полета корабля не видит Землю, но постоянно думает о ней («Рукой касаясь зеленой хвои / и глажу ежик твоих волос»).

Стихотворение «Ночной полёт» – свидетельство стремления М.Тарасова возбудить внимание читателя посредством ухода от заурядности быта – к закручиванию фабулы, к принципам эстетики монтажа, к стремительному разворачиванию действия («На границе»). В ряде стихов он равняется на музыкальную звукозапись учителя с присущими тому «тонкими перебивками ритма, уверенными штрихами и точно очерченными деталями... с ощущением свежести и восторженности мира».

«Поэт – в пути. Он продолжается. Значит, всё в порядке!..» – заканчивал послесловие к книге стихов М.Тарасова «Снежность» Роберт Рождественский. И его надежда на продолжение творческого пути друга оправдалась. В 1983 и 1987 годах в столичных издательствах «Современник» и «Советская Россия» вышли сборники стихов М.Тарасова «Над порогами рек» и «Снова с Ладогой».

Внимательным читателем первой из них стал поэт и философ Юрий Линник. В опубликованной «Севером» (1984, № 7) рецензии он отметил в поэзии М.Тарасова отчетливость, зримость, конк-

ретьность и вместе с тем внезапность образа, метафоры. Он нашел, что стих М.Тарасова «станет мягким, пластичным, из него исчезает подчас нарочитая лапидарность, чаще звучат мягкие лирические ноты». Всё это, по мнению Ю.Линника, расширяет возможности М.Тарасова, обогащает его арсенал. В числе лучших за свежесть красок и точность образов рецензент назвал стихи «Старик», «Изумляешься, выйдя на берег...», «Над домами дымки».

Свою рецензию Ю.Линник назвал «Преодоление» и через весь текст отзывает мысль о важности для М.Тарасова взятия новых рубежей мастерства. Рецензент увидел в ряде стихов М.Тарасова «нечто интересное по замыслу, но явно не завершенное, недопроявленное», когда «установка на свежее, точное и неожиданное слово вдруг оборачивается косноязычием, смысловой и стилиевой невнятицей». Подобного рода срывы, продолжал Ю.Линник, ослабляют впечатление от стихов поэта, как и «деланность, сработанность, смонтированность» некоторых строф, когда «стих рассыпается, становится лоскутным, фрагментарным». В целом Ю.Линник пришел к выводу, что книга «Над порогами рек» свидетельствует: «дарование поэта раскрывается новыми гранями».

Подтверждением тому стала следующая книга стихов М.Тарасова «Снова с Ладогой» (М., 1987), рецензентом которой выступил Р.Рождественский. Половина из 85 стихотворений была опубликована ранее, но и по ним прошла рука автора в поисках более точной стилиевой и смысловой «огранки».

Книга вышла в начале «перестройки» – времени, о котором М.Тарасов позднее в интервью карельскому журналисту С.Лапшову говорил как о драматическом для России периоде её исторического развития.

Что же касается года издания сборника «Снова с Ладогой», то все эти со временем обрушившиеся на писателей невзгоды тогда выглядели сюжетом фантастического фильма. И поэтому М.Тарасов построил содержание сборника по стандартным канонам такого рода юбилейных (книга выходила в год 70-летия Октября) изданий. В нём было немного политики (стихотворение «Февраль-октябрь» о революционных событиях в Петрозаводске в 1917 году и передаче власти «в охотливые руки / мастеровитых / знающих / людей»); немного трудового пафоса («Я славлю возводящих корпуса...») и размышлений на актуальную тему о борьбе за мир во всем мире («Легенда о плавучем таране», «Ласточки», «Финский боцман»). Основное же пространство

сборника составила лирика: пейзажная, любовная, медиативная с её раздумьями над вечными проблемами бытия.

Неутихающее беспокойство

В поэзии М.Тарасова заметно усилилось присутствие лирического героя. И хотя это по-прежнему касалось темы взаимоотношений человека и природы («Я снова с Ладогой», «Я снова, озеро, с тобою...», «Я сосны милые навдал...»), искренность лирической исповеди придавала новые акценты поэзии М.Тарасова.

Давшее название всей книге стихотворение «Я снова с Ладогой» посвящено впечатлениям от поездки в Сортавалу, где прошла школьная юность поэта. Лирический герой ожидает от новой встречи подъёма чувств, ведь когда-то он на озерном берегу видел «след сказки на любой скале». Но что-то неуловимо изменилось в природе за последний год, и уже когда-то ласкавший слух тихий шорох прибоа «вдруг вырастает до набата» маршевого мотива, солнце видится «в оттиске копытца», а сосенка напоминает любительницу массовых собраний, которой «все бы знать, про все бы ведать / и быть причастной ко всему». Лирический герой явился в озерный край за духовной благодатью, но и здесь не может избавиться от усталости, скопившейся от необходимости участия в затеянных властью агитационных мероприятиях:

*Но, смотришь, многое приелось:
И ёлки, вставшие впритык,
И листьев приторная прелесть,
И прелесть бликов золотых⁷.*

Наиболее удаются поэту стихи, в которых нет давления авторской воли, разрешающей противоречия, расставляющей акценты, а есть внутреннее напряжение образа, когда герой сопротивляется отвлеченной, назидательно сформулированной идее. В этих случаях М.Тарасов отходит от привычной для него внешней событийности, и личное начало развивается свободно, открывая за стабильностью бытия поэта неутихающее духовное беспокойство. Так, в стихотворении «Напрасно маюсь у стола...» всё действие ограничено писательским кабинетом, где за письменным столом поэт «мается» в поисках заветного слова. Читатель застаёт его в момент творческого кризиса, когда поэт «с собою не в ладу». В поисках глотка свежего воздуха он отк-

рывает окно, но вид поникших мокрых кустов не вызывает желаний «из них мелодию извлечь». Будучи по жизни сильным, уверенным в своих силах и признанным в обществе известным человеком, поэт готов признаться, что он «оказался на мели». От окончательного осознания своей «беспомощности» его спасают воспоминания о родных местах: «И плеск листвы, / и звон хвои, / и гулы в вышине, / легко сливаясь, как ручьи, / пролились в душу мне».

Неизбежен уход

Умение улавливать и художественно передавать рисунок чувств становится одним из достоинств творческой манеры М.Тарасова. «Услышу в безмолвии пауз / я больше, чем в звуках самих», – пишет автор в стихотворении «У Белого моря», и этот интерес к полутонам эмоций, к познанию мира одновременно с самопознанием личности становится свидетельством наступающей зрелости художественного мышления. В душе растет понимание зависимости от времени, обреченности человека перед фактом конечного небытия. Но и перед лицом неумолимой силы смерти герой М.Тарасова полон ощущения времени как одновременного сосуществования прошлого, настоящего и будущего: «Неизбежен уход, / но нам ближе другие мгновенья, / ослепляющий взлёт, / как ликующий знак возвращенья» («Над домами дымки...»).

Дальний свет Севера и жизни

Очередным «знаком возвращенья» стала книга М.Тарасова «Заберег» (Петрозаводск, 1990). Выбор названия сборника (забереги – очистившаяся ото льда часть реки или озера у берега)⁸ мог быть продиктован надеждой автора на обновление общества. Рукопись была сдана в набор 2 апреля 1990 года, а подписана в печать 28 мая 1990 года. Еще существовал Советский Союз, работали издательство «Карелия» и республиканская ордена «Знак Почета» типография, свои функции выполнял Государственный комитет Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, существовала разветвленная сеть книжных магазинов. Казалось, что так будет всегда. И московский поэт Николай Старшинов, написавший предисловие к книге «Заберег», в своей уверенности в стабиль-

ном будущем переносил это чувство на оценку стихов М.Тарасова с их «радостью существования на земле при всех несовершенствах»: «И вот эта радость, по-моему, главное, что сквозь дебри неурядиц и житейского неустройства позволяет видеть Марату Тарасову дальний свет – и своего Севера, и всей жизни».

В новых стихах М.Тарасова остается одной из ведущих тема сохранности и защиты не только природной среды, памятников материальной культуры, но и непреходящих ценностей духовной культуры, накопленных вековым народным опытом («В лесу пустом и бросовом...»). В его поэзии появляются слова «русский», «славянский», хотя порой и не в однозначной интерпретации. Так, сочиняя эпитафию о рано ушедшем из жизни поэте, М.Тарасов пишет, что в его непросто характере таилась «доверчивость русских блаженных, / понятливость русских плутов», и упоминает, что «среди небогатой пирушки / славянский витийствовал джинн» («Вспомнив друга»).

Неожиданным для М.Тарасова является открытие книги стихотворением «Словно крылья, раскину весла...» о судьбе «невеликой деревеньки» из одиннадцати изб, с которой он сроднился после покупки здесь жилища на лето и теперь называет её своим «навечным причалом земным». Новую для автора «деревенскую» тему продолжает стихотворение «Лесная часовня» с описанием затерявшейся в дебрях часовни: ей суждено сердцем помнить обо всех, «кому ближе всего / вечно то, что далеко»⁹.

В той же тональности обретения своего места в череде поколений звучит стихотворение «Старый рыбак», где случайное соприкосновение с жизнью деда Евсея стало для лирического героя серьезным нравственным уроком.

Новые грани творчества поэта открыли включенные в книгу тексты одиннадцати песен, северорусский контекст которых подчеркивал пристальное внимание М.Тарасова к фольклору, который сыграл решающую роль в складывании русского национального сознания у населения Европейского Севера. Не удивительно, что многие поэты региона, воспитанные на устойчивых формах поэтического мышления, черпали вдохновение в эстетике и этике народного творчества. Именно в текстах песен М.Тарасова четко проявляется русская национальная традиция, идея жизнеспособности и нравственных сил нации. На плодородной почве народной поэзии поэт создает тексты, в которых с любовью переданы особенности родной речи, присущее землякам удивительное чувство родства с жизнью

природы. Песенные тексты М.Тарасова наполнены раздумьями и переживаниями простых людей, будь то вспоминающая свою молодость мать юной девушки с её сжатым в нескольких словах опытом жизни: «Красота до вечера, / доброта навеки» («Красота до вечера») или славящий природу мастер игры на гусях, которому «одолень-трава» помогла найти возлюбленную («Одолень-трава»). «Интерес поэта к фольклору» отмечал Н Старшинов во введении к «Заберегу» и писал, что это помогает М.Тарасову «обогащать собственную фантазию, расширить пределы своей творческой галактики, научиться пристальней вглядываться не только внутрь себя, но и в окружающее».

Пассажиры тонущего корабля

Стихотворения М.Тарасова «Счастливый жребий осадил...», «Сомнений крохотное семя...», «Всё, что прежде привычно было...» привлекают раздумьями о человеческом поведении, о нравственном долге, о творчестве, любви, счастье. И если степень таланта поэта всегда связана с самокритичностью и в его жизни бывает такая минута, когда он чувствует себя бездарным (и это является показателем его поэтической совести), то с этой точки зрения уровень самобичевания в новых стихах М.Тарасова говорит о его требовательности к себе. Он не может простить себя, «что утешался обманом, / а жизнь творила произвол» («Сомнений крохотное семя...»). Он признает, что порой по жизни «катил, как вал, напропалую», слишком поздно осознал, «что между точками двумя / не самый краткий путь – / прямая» («Счастливый жребий осадил...»). Он, кто «к равновесию привык», не скрывает своего неприятия наступившей в обществе «переменчивой поре», когда «всё, что прежде привычно было, / опрокинуто кверху дном» («Всё, что прежде привычно было...»). И вместе с тем всё глубже осознает, что «пора без чьей-либо указки / свои заканчивать дела» («На зимнем озере»). В стихотворении «В заверти» М.Тарасов сравнивал положение оказавшихся жертвой «перестройки» поэтов (и свою судьбу) с начавшими терпеть крушение пассажирами тонущего корабля. И здесь важно, говорил он, «не отчаливать от себя», верить в лучшее будущее искусства, корнями уходящего в родную землю: «Свято верую в возвращенье / из глубин на круги своя» («В заверти»).

Е. Евтушенко писал в июле 1990 года:

«Марат Тарасов – поэт в самом профессио-

нальном смысле этого слова. Ему, может быть, не хватает есенинской удали, таланта рвануть рубаху на груди, исповедаться, но зато «все лемешинки» его часовни отесаны топором истинного мастеровитого работяги – умельца. Не скажу, что его часовня сделана без единого гвоздя, но все-таки гвозди из стен не торчат – о них не зацепишься... В часовне Тарасова нет икон-шедевров, но у самой часовни – строгий классический лик, сработанный человеком, знающим ремесло – или, как некогда говорили, «рукомесло»... Проигрывая в занимательности, Тарасов порой выигрывает в тонкости, когда фактура стиха почти невесома... Внутри поэзии Тарасова есть вера в значение самой поэзии, в её необходимость людям».

Первичная новизна ощущений

Лирика Марата Тарасова 1980-х годов – лишь небольшая часть творческого наследия поэта, который отмечает в 2020 году своё 90-летие. Первое своё стихотворение он увидел в печати в СССР в 1949 году, при Сталине, а свой юбилей встречает в России, руководимой президентом Путиным.

В последние годы вышли из печати книги «Отава» (2000) и «Полнолуние» (2011). Стихи поэта были включены в антологию русской поэзии XX века «Строфы века».

В 2010 году М.Тарасову было присвоено почетное звание «Народный писатель Республики Карелия».

Поэт по праву был удостоен в течение своей жизни и других наград, но это не отразилось на первичной новизне ощущений, когда он оставался наедине с чистым листом бумаги. Опять, как и в 1980-е годы, его посещало «сомнений крохотное семя», «что лемех твой до срока спахан / и не поднять ему пласта. / Что утешался ты обманом, / а жизнь творила произвол, / и оказались под бурьяном / твои суглинки и подзол». Но подобное чувство опустошения для поэта, как правило, оказывалось мимолетным и обманчивым. К поэту приходил новый поток мыслей и чувств:

*И в миг, когда уж наважденьем
Вся жизнь покажется вот-вот,
К тебе придет освобожденьем
Внезапно найденный исход.
И обернется жалкий ворох
Свободу связывающих пут
Клубками нитей, из которых
Живые вымыслы плетут¹⁰.*

Примечания

¹ Дюжев Ю.И. Марат Васильевич Тарасов // Дюжев Ю.И. Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. С.105-108.

² Тарасов М. «Пришла пора – из дому выйдешь...» // Тарасов М. Снежность. Петрозаводск: Карелия, 1982. С.12. Дальнейшие ссылки на этот сборник без указания страниц.

³ Иванов А.А. Марат Васильевич Тарасов // Иванов А.А. Писатели Карелии: Справочник. Петрозаводск: Карелия, 1971. С.118.

⁴ Пастернак Б. Зима // Пастернак Б. Стихотворения и поэмы в двух тт. Т.1. М.: Сов. писатель, 1990. С.81.

⁵ Тарасов М. «Нынче осенью бледные краски...» // Тарасов М. Снежность...С.10.

⁶ Тарасов М. «Я целый день под ношей дичи...» // Тарасов М. Снежность. Петрозаводск, 1982. С. 68. Дальнейшие ссылки на этот сборник без указания страниц.

⁷ Тарасов М. Я снова с Ладогой // Тарасов М. Снова с Ладогой. Стихи. М., 1987. С.7-8. Дальнейшие ссылки на этот сборник без указания страниц.

⁸ Словарь русского языка в 4-х тт. Т.1. М., 1957. С.674.

⁹ Тарасов М. Лесная часовня // Тарасов М. За-берег: Стихи. Эпиграммы. Песни. Переводы. Петрозаводск, Карелия, 1990. С.14. Дальнейшие ссылки на этот сборник без указания страниц.

¹⁰ Тарасов М. «Сомнений крохотное семя...» // Тарасов М. Отава. Стихи. Петрозаводск: Периодика, 2000. С. 91-92. Стихотворение датировано 1988 годом.

□

Юрий Иванович ДЮЖЕВ –

*литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

*В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены
и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий
и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение
узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера
и дал очерки творчества ведущих писателей региона.*

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009),
лауреат премии журнала «Север» (2016).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

